

Тюркский каганат и болгары: первый опыт государственной интеграции Евразии

Мингазов Ш.Р.

Кандидат исторических наук, адвокат Адвокатской палаты г. Москвы

Рассматривается первый опыт интеграции маршрута Шелкового пути от Китая до Византии одной империей, которой стал Тюркский каганат в последней трети VI в. В 576 г. войска Тюркского каганата, в том числе и болгары-утигуры, вошедшие в его состав, совершили поход в Крым, взяли Боспор (совр. Керчь), а к 580 г. дошли до византийского Херсонеса (совр. Севастополя), где «поставили стан». Это стало точкой наивысшего расширения территории Тюркского каганата на западе, что позволило обеспечить контроль над Шелковым путем, связывающим Византию с Восточной Азией.

Ключевые слова: Шелковый путь, Тюркский каганат, Аварский каганат, Великая Булгария, тюрки, болгары-утигуры, болгары-кутригуры, авары, руническая письменность.

Вызовы современности о необходимости интеграции Евразии не являются особенностями нового и новейшего времени. С древних времен существовала проблема сообщения и торговли Восточной Азии и Европы.

Караваны Шелкового пути шли месяцами и пересекали территории десятков народов, что делало невозможным установление единых правил торговли и размеров таможенных платежей. Путешественники средних веков описывают те трудности, с которыми им приходилось передвигаться.

Тюркский каганат стал первым государственным объединением, охватившим весь маршрут Шелкового пути от Китая до Византии в VI в. н.э., упростив сообщение и унифицировав правила торговли. Он был создан народом «тюрк» (в историографии принят термин «тюркут» для отличия от других тюркоязычных народов), по имени которого позже будет названа вся семья родственных языков.

К 560-м гг. территория Тюркского каганата достигла р. Атель (Идель, Волга) и для прямого контакта с Византией оставалось присоединить северный Кавказ и степные территории от Волги до Крыма, которые занимали тюркоязычные народы гунно-булгарского круга (булгары, савиры, хазары, барсилы и др.), родственные тюркутам этнически и культурно [1, р. 374-378; 2, с. 14-15]. Эти народы пришли раньше в степи Восточной Европы из Азии – в гуннское и постгуннское время (IV-V вв.).

Основной версией происхождения союза болгар является объединение остатков гуннов, отошедших в северное Причерноморье после распада империи

Атилы (453 г.) и вновь прибывших из Азии огурских народов сарагур, оногур и урогов [3, р. 43-44].

Ко времени описываемых событий в середине VI в. болгары северного Причерноморья были разединены на кутригур и утигур, ведущих затяжную междоусобную войну, спровоцированную византийской политикой [4, 162-164; 5, 434-438]. Ослабленные таким образом, болгары не смогли противостоять аварам и тюркутам и вошли в состав их империй.

Отступающие от тюркутов авары в северном Причерноморье вступили в союз с булгарами-кутригурами и новое объединение начало западную экспансию, закончившуюся к 568 г. созданием Аварского каганата на Дунае. Авары и болгары составили азиатскую верхушку этой многонациональной империи. Количественно авар в каганате было меньше, чем болгар, несколько повторных миграций которых было описано письменными источниками [6, с. 60-61, 161-162; 7, s. 107; 8, р. 497; 9]. Аварский каганат просуществовал в Восточной Европе около 250 лет, что является исключительным фактом и указывает на развитую систему государственно-политического управления.

Таким образом, болгары северного Причерноморья оказались разделены на две крупные группы: болгары-кутригуры, не ушедшие с аварам и оставшиеся в северно-западном Причерноморье, находились в сфере влияния Аварского каганата, а донские и азовские болгары-утигуры, как и остальные народы, населявшие территории от Волги до Дона и Кавказа, вошли в состав Тюркского каганата

в 566-576 гг. [10, с. 416-420; 11, с. 137-138]. Авары позднее не фиксировались восточнее Днепра, а тюркыты – западнее Дона. Буферную степную территорию между Доном и Днестром продолжали населять болгарские племена, от политической ориентации которых зависело и территориальное разделение сфер влияния двух каганатов.

Западные границы Тюркского каганата после включения болгарских территорий Приазовья достигли побережья Черного моря, а правителем этих дальних провинций стал Турксанф, сын кагана Истеми [11, с. 137-138].

В 576 г. Турксанф начал войну с Византией и двинул армию на Боспор (совр. Керчь), под которым уже стояло войско болгар-утигур под предводительством Анагея. Боспор был взят, а к 580 г. войска дошли до Херсонеса (совр. Севастополя), где «поставили стан» [10, с. 422, 423, 462]. Таким образом, большая часть Крыма перешла под их контроль.

Это стало точкой наивысшего расширения территории Тюркского каганата на западе. Как отметили Н. Голб и О. Прицак: «В 576 г., примерно за 25 лет до того, как они получили гегемонию над Евразийскими степями, тюрки (тюркыты) заняли часть Крыма (Боспор) и территорию северного Кавказа. Тем самым они обеспечили себе контроль над торговым путем, связывающим Византию с Восточной и Центральной Азией» [12, с. 53].

Позже, в хазарское время Боспор сменил название на Керчь, упоминаемое Ибн-Русте в начале X в. в форме К-р-х [13, с. 34-35], а также в письме хазарского кагана Иосифа в форме К-р-ц [14, с. 102]. Среди версий этимологии этого топонима есть и тюркская [15, с. 248; 16, с. 8, 10, 11, 14; 17, с. 190-192; 18].

В 630-х гг., во времена распада Западного Тюркского каганата его бывшая самая западная провинция управлялась Кубратом (Кувратом). С началом междоусобиц в Аварском и Тюркском каганатах Кубрат консолидировал болгар северного Причерноморья и создал Великую Булгарию.

В «Именнике болгарских ханов» указывается, что Кубрат принадлежал роду Дуло (Дулу) начинающегося с правителя гуннов Аттилы (в этом источнике названного Авитохолом) [19, с. 25-27], который в историографии связывается с одной из двух, наряду с Нушиби, правящих династий Тюркского каганата [20, с. 38, 64; 21, с. 117].

П. Голден пишет: «Наследие кок-тюрков в Восточной Европе было глубоким и продолжительным. Они организовали рассеянные огурские и другие тюркские племена в понто-каспийских степях. Тюркские государства, возникшие из пепла этой самой западной части Кок-Тюркской империи, получили свои административные системы, титулатуру и царские династии от кок-тюрков (Ашина дали династию хазарам, Ту-лу/Дуло, которые также, возможно, являлись царским кланом Сюнну, передали

булгарам правящую династию)» [3, р. 39 (*перевод мой.* – Ш.М.)].

Если древний клан Дуло являлся династическим еще в империи хунну [20, с. 38, 64], а также в империи гуннов Центральной Европы в V в., то нельзя исключить и того, что Кубрат мог быть наследником не тюркской ветви этого клана, а гуннской, то есть потомком Аттилы и его младшего сына – Ирника, вернувшего часть гуннов в Причерноморье из Подунавья после распада империи. Эту версию, собственно, и дает «Именник болгарских ханов». Поэтому вопрос – к какой из ветвей и миграций династии Дуло принадлежал Кубрат, пока остается открытым: гуннской, пришедшей в Европу в IV в., огурской – в середине V в., или тюркской – в последней трети VI в.

Также не решены проблемы с археологическим наследием. Погребальные комплексы гунно-болгарских племен распространены от Камы до Италии, на разных территориях и в разные времена болгары имели отличающиеся погребальные обряды, находившиеся в стадии сложения [21, с. 13-16].

С булгарами северного Причерноморья описываемого периода принято связывать памятники типа Сивашовки [22]. Р.С. Орлов предложил датировать их 2-й пол. VI в. – 1-ой пол. VII в. и объединить в единый археологический тип (культуру). По его предположению, они оставлены кутригурами – племенами будущей Великой Булгарии [23; 24, с. 226; 25, с. 991-1007]. Р. Рашев в свое время отнес к сивашовскому типу 119 комплексов [26; 27, с. 69-119].

О.М. Приходнюк и А.В. Комар предложили датировать эти памятники позже: серединой – 2-й пол. VII в. [28, с. 39-40].

Однако А.В. Комар столкнулся с тем, что ряд памятников сивашовского круга никак не мог быть отнесен к VII в. Тогда он предложил выделить их в отдельный тип Суханово (2 пол. VI в.) и считать наследием утигур [29, с. 108-110; 30, с. 104, 112; 31, с. 201; 32, с. 44-45]. К кутригурам он относил памятники предшествующего периода – типа Лихачевки [33, с. 170, 193-194].

С аргументацией О.М. Приходнюка и А.В. Комара не согласился И.О. Гавритухин [34, с. 156-157] и Ф. Курта, отметивший, что предлагаемые различия археологических признаков типов Сивашовка и Суханово не являются достаточными для выделения отдельного типа [35, р. 17-19].

Таким образом, пока не выработано единых типологии и хронологий этих памятников, а вопрос их этнической атрибуции является еще более сложным.

Широкому распространению болгар в Европе способствовало не только передовое для того времени военное искусство, но и обладание принципами государственной организации, а позже – письменностью.

Булгары были носителями хуннской модели государственности, к которой восходила организация

власти гуннов, тюркутов и авар. Государственность авар и болгар оказала определяющее влияние на зарождение первых славянских институтов власти на других территориях в Восточной Европе [36, с. 227-229].

Первое, известное истории славянское объединение – княжество Само (ок. 623-660), возникло на территории Аварского каганата путем восстания уже тогда смешанного азиатско-славянского населения, как указывает т.н. «Хроника Фредегара»: «сыновей гуннов, рожденными [ими] от жен и дочерей винидов» [37, с. 367, 381-382; 38, с. 521-522].

Первое Болгарское царство на Дунае было создано булгарами Аспаруха, вероятно, по образцу Великой Булгарии, с перенесением уже сложившихся институтов власти и сложной системы титулатуры [39, с. 8].

На включение болгар в общетюркскую культурную цивилизацию указывает распространение тюркской рунической письменности в Восточной Европе с конца VII в., что явилось важным наследием Тюркских каганатов.

И.Л. Кызласовым тюркская руническая письменность была классифицирована по типам алфавитов: азиатские (енисейский; южно-енисейский; орхонский; таласский; ачикташский; исфаринский) и восточно-европейские (донской; кубанский) [52, с. 42, 65-78; 41].

Тюркские орхоно-енисейские рунические памятники удалось расшифровать и систематизировать [42-47]. Однако эти достижения не помогли расшифровке восточно-европейской руники [48; 49, с. 17-44.], основу которой составили донской и кубанский алфавиты. Существующие варианты расшифровок не являются общепризнанными.

Кубанский алфавит позже применялся в Волжской Булгарии, что указывает его носителем болгар [50; 51; 52, с. 79-80; 53; 54, с. 226]. Э. Трыярский допускает, что болгары Аспаруха и Кувера могли принести в Восточную Европу различные типы рунических алфавитов [55, р. 270]. Вероятнее, что это произошло с последующими миграциями болгар на запад.

В. Бешевлиев и ряд других авторов высказали мнение, что ко времени изобретения глаголицы в IX в. ее создатели Кирилл и Мефодий были хорошо знакомы со знаками тюркской рунической письменности, так как Кирилл (Константин) совершил долгое путешествие в Хазарский каганат, в ходе которого изучал языки [55; 56, с. 37-51; 57; 58; 59, с. 21-22; 60].

Распространение памятников восточно-европейской руники на Каме, Волге, северном Кавказе, Дону, Добрудже, Дунае и Балканах позволило ученым связать их именно с булгарами – единственным народом, зафиксированным на всех этих территориях [53; 61, с. 169-170; 62, с. 82-93; 63, с. 158-159; 64;

65, с. 206; 66, с. 17-23]. Окончательную уверенность в этом может придать расшифровка древней восточно-европейской рунической письменности.

С 560-х гг. и до распада Тюркского каганата с перерывами на междоусобицы можно обозначить как первый в истории опыт интеграции народов и территорий от Китая до Европы.

Интеграция на огромных территориях способствовала не только развитию торговли и экономическому росту, но и богатейшему технологическому и культурному обмену, значение которого еще предстоит осмыслить.

Литература:

1. Dobrovits M. The Altaic world through Byzantine eyes: Some remarks on the historical circumstances of Zemarchus' journey to the Turks (AD 569–570) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – 2011. – Vol. 65 (4). – P. 373-409.
2. Плетнёва С.А. Хазары. – М.: Наука, 1986. – 89 с.
3. Golden P. Khazar Studies// An Historico-Philological inquiry into the Origins of Khazars. – Budapest, 1980. – P. 239 – 243.
4. Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер. М.В. Левченко. – М.: Академия наук СССР, 1953. – 221 с.
5. Прокопий из Кесарии. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. – М.: Академия наук СССР, 1950. – 515 с.
6. Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. – М.: Наука, 1980. – 216 с.
7. Bona I. Das erste Auftreten der Bulgaren im Karpatenbecken // Studia Turco-Hungarica. – 1981. – T. V. – P. 79112.
8. Daim F. Avars and Avar archaeology. An introduction // Regna and gentes: the relationship between late antique and early medieval peoples and kingdoms in the transformation of the Roman world. – Leiden; Boston, 2003. – P. 463-570.
9. Garam E. Der byzantinische Anteil an der awarischen Kultur // Hunnen und Awaren. Reitervölker aus dem Osten. – Eisenstadt, 1996. – P. 258–260.
10. Менандр Византиец. История // Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Магистр, Менандр, Кандид Исавр, Нонноси Феофан Византиец / Пер. Г.С. Дестуниса. – СПб., 1860. – С. 311–470.

11. Артамонов М.И. История хазар. – М.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – 523 с.
12. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X в. / Пер. В.Л. Вихнович, ред., комм. В.Я. Петрухин. – Москва-Иерусалим: Гешарим, 1997. – 239 с.
13. Lewicki T. Zrodla arabskie do dziejow Slowians zuzny. – Wroclaw; Warszawa; Krakow; Gdansk, 1977. – Т. 2.
14. Коковцов П.К. Еврейско-хазарская переписка в X в. – Л.: АН СССР, 1932. – 173 с.
15. Брун Ф. О разных названиях Керчи и ее окрестностей в древности и средних веках // Записки Имп. Новороссийского ун-та. – 1877. – Т. 23. – С. 227–258.
16. Иваненко П.И., Иванина О.А. Керчь: история имени (Этимологический очерк). – Керчь: Боспор, 1996. – 16 с.
17. Кулаковский Ю.А. К вопросу об имени города Керчи // ХΑΡΙΣΤΗΡΙΑ. Сборник статей по филологии и лингвистике в честь Ф.Е. Корша. – М., 1896. – С. 185–201.
18. Подосинов А.В. Еще раз о происхождении имени города Керчь // Античный мир. Византия. К 70-летию В.И. Кадеева. – Харьков, 1997. – С. 155–171.
19. Попов А.Н. Обзор хронографов русской редакции. – М.: Тип. Лазаревского инст., 1866. – Вып. I. – 287 с.
20. Pritsak O. Die bulgarische Furstenliste und die Sprache der Protobulgaren. – Wiesbaden: Otto Haarssowitz, 1955. – 101 p.
21. Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половине VIII в. // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 10–23.
22. Кубышев А.И. Раскопки курганов в Присивашье // Археологические открытия 1980. – М., 1981. – С. 508 с. – URL: <http://kronk.spb.ru/library/ao-1980-1981.htm#top>
23. Орлов Р.С. Культура кочевников IV-VIII вв. // Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н.э. – Киев, 1985. – С. 98–105.
24. Орлов Р.С., Смиленко А.Т. Погребения кочевников и клады эпохи раннего средневековья // Археология Украинской ССР. – Киев, 1986. – Т. 3. – С. 225–231.
25. Орлов Р.С. Культура неслов'янських народів України IV-VIII ст. // Історія української культури. – Київ, 2001. – Т. 1
26. Рашев Р. О возможности выделения самых ранних археологических памятников праболгар в степях Восточной Европы // Татарская археология. – 1998. – № 3. – С. 65–72.
27. Рашев Р. Прабългарите през V-VII век. – София: ОРБЕЛ, 2005. – 352 с.
28. Приходнюк О.М. Степове населення України та східні: друга половина I тыс. н.е. – Київ-Чернівці: Прут, 2001. – 284 с.
29. Комар А.В. «Азиатские» элементы культуры кочевников Восточной Европы VI-VIII вв. // Взаимодействие народов Евразии в эпоху великого переселения народов. – Ижевск: УдГУ, 2006. – С. 107–111.
30. Комар А.В. Памятники типа Суханово: к вопросу о культуре болгар Северного Причерноморья 2-й половины VI – начала VII в. // Сугдейский сборник. – 2008. – Вып. III. – С. 87–117.
31. Комар А.В. Кочевники Восточной Европы VI-IX вв. // Евразияныц турк мұрасы VI-VIII ғ.ғ. – Астана: KUL TECIN, 2008. – С. 192–216.
32. Комар А.В. Погребальные обряды болгар 2-й пол. VI – нач. VII в. (памятники типа Суханово) // Добруджа. Добрич-Силистра. – 2013. – Т. 24–25. – С. 31–52.
33. Комар А.В. Кутригуры и утигуры в северном Причерноморье // Сугдейский сборник. – 2004. – Вып. I. – С. 169–200.
34. Гавритухин И.О. Элементы «Юстиниановского» воинского стиля у северных варваров (Пряжки типа Sucidava) // Studia antiqua et medievalia. Bucuresti, 2009. – С. 153–184.
35. Curta F. Ethnicity in the Steppe Lands of the Northern Black Sea Region During The Early Byzantine Times // Archaeologia Bulgarica. – 2019. – Т. XXIII. – P. 1–38.
36. Алимов Д.Е. Этногенез хорватов: формирование хорватской этнополитической общности VII–IX вв. – СПб.: Нестор-История, 2016. – 331 с.
37. Ронин В.К. Так называемая хроника Фредегара // Свод древнейших письменных известий о славянах. – М.: Восточная литература, 1995. – Т. II. – С. 364–397.
38. Fritze W. Zur Bedeutung der Awaren fur die slawische Ausdehnungsbewegung im fruhen Mittelalter // Zeitschrift fur Ostforschung. Marburg. – 1979. – Jg. 28. -Hf. 3. -S. 498–545.
39. Славова Т. Владетел и администрация в ранносредновековна България. Филологически аспекти. – София: ПАМ Пъблишинг Къмпани ООД, 2010. – 402 с.
40. Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. – М.: «Восточная литература» РАН, 1994. – 325 с.
41. Кызласов И.Л. 280 лет исследования древнетюркской рунической письменности // Древности Алтая. – 2002. – № 8. – С. 105–119.
42. Radloff W. Die altturkischen Inschriften der Mongolei. SPb., 1894–1895. Т. 1–3.
43. Scharlipp W.-E. The Decipherment of the Turkish Runic Inscriptions and its Effects on Turkology in East and West // Journal of Turkic Civilization Studies. – 2004. – № 1. – P. 303–318.
44. Thomsen W. Dechiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Jenissei // Oversigt over det Kongelige Danske Videnskabernes selskabs. – Kopenhagen, 1893–1894. – P. 285–299.
45. Thomsen W. Inscriptions de L'Orhon dechiffrees (Memoires de la societe Finno-Ougrienne, V). – Helsingfors, 1896. – 224 p.
46. Васильев Д.Д. Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала // Советская тюркология. – 1976. – № 1. – С. 71–81.

47. Васильев Д.Д. Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала (опыт систематизации). – М.: Наука, 1983. – 158 с.
48. Donner O. Sur l'origine de l'alphabet turc du nord de l'Asie // Journal de la Societe Finno-ougrienne. – 1896. – Vol. 14. – P. 1–71.
49. Nemeth J. Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklos (Bibliotheca Orientalis Hungarica, 2). – Budapest–Leipzig, 1932.
50. Давлетшин Г.М. Булгарская письменность (Раннебулгарский и домонгольский периоды) // Гасырларавазы – Эхо веков. – 2008. – № 1. – С. 23-32.
51. Измайлов И.Л. Письменность и государственность Волжской Булгарии X-XIII вв: комплексный анализ источников // Восточная Европа в древности и средневековье. XXVIII Чтения памяти В.Т. Пашуто. – М., 2016. – С. 106-111.
52. Кочкина А.Ф. Рунические знаки на керамике Билляра // Советская тюркология. – 1985. – № 4. – С. 75-80.
53. Кызласов И.Л. Руническая эпиграфика древних болгар // Тагарская археология. – 2000. – № 1-2 (6-7). – С. 5-18.
54. Кызласов И.Л. Серебряные монеты с легендами кубанского рунического письма // Проблемы археологии Кавказа. – 2012. – Вып. 1. – С. 226-246.
55. Tryjarsky E. Some novelties of the Runica Bulgarica // Studia Orientalia. – 1999. – Т. 87. – P. 263–274.
56. Житие Константина–Кирилла / Подг. текста и пер. Л.В. Мошковой и А.А. Турилова, комм. Б.Н. Флори (Библиотека литературы древней Руси). – СПб., 1999. – Т. 2. – С. 22–65.
57. Granberg A. On deciphering mediaeval runic scripts from the Balkans / Културните текстове на миналото: носители, символи и идеи. – София, 2005. – Т. III. – С. 128-139.
58. Popkonstantinov K. Les inscriptions du monastere rupestre pres du village Murfatlar (Basarab). Etat, theories et faits / Dobrudza. Etudes ethnoculturelles. – София, 1987. – С. 115-145.
59. Бешевлиев В. Этническая принадлежность на рунните надписи при Мурфатлар // Векове. – 1976. – № 4. – С. 12-22.
60. Науменко В.Е. К дискуссии о целях и результатах так называемой «хазарской» миссии Константина Философа / ΧΕΡΣΩΝΟΣ ΘΕΜΑΤΑ: Империя и Полис. – Севастополь: ЭКОСИ-Гидрофизика, 2014. – С. 32-33.
61. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево–Черкесии. – М.: Наука, 1971. – 356 с.
62. Биджиев Х.Х. Хумаринское городище. – Черкесск: Ставропольское книжное издательство, 1983. – 169 с.
63. Димитров Д. Прабългарите по Северното и Западното Черноморие. – Варна: Георги Бакалов, 1987. – 303 с.
64. Кузнецов В.А. Надписи Хумаринского городища // Советская археология. – 1963. – № 1. – С. 298-305.
65. Кызласов И.Л. Ряд особенностей археологического изучения тюркских народов в России // Верхнедонской археологический сборник. – 2010. – Вып. 5. – С. 198–207.
66. Флерова В.Е. Граффити Хазарии. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 176 с.

Turkic Kaganate and Bulgars: the First Experience of State Integration of Eurasia

Mingazov Sh.R.
Moscow Bar Association

The paper approaches the first experience of integration of the Silk Road route from China to Byzantium by one empire, which became the Turkic Khaganate in the last third of the 6th century AC. In 576, the troops of the Turkic Khaganate, including the Utigurs-Bulgars, included in its structure, made a campaign in the Crimea, captured the Bosphorus (present-day Kerch), and by 580 reached the Byzantine Chersonesos (present-day Sevastopol), where they settled up their camp. This became the point of the highest expansion of the territory of the Turkic Khaganate to the West, which allowed maintaining control over the Silk Road linking Byzantium with East Asia

Key words: Silk Road, Turkic Khaganate, Avar Khaganate, Great Bulgaria, Turks, Utigurs-Bulgars, Kutrigurs-Bulgars, Avars, runic writing.

